

Китай – снова «новый и незнакомый»?

Китай всегда с большим запасом перепрыгивает планку, которую ему ставят западные и российские политики и аналитики. Ну, а если не перепрыгивает, то «подлезает» под нее и двигается дальше, ничуть не смущаясь этой вовсе не fair play. Вот и сейчас все больше складывается ощущение, что Китай из этапа бурного, но не всегда системного развития прошедших полутора десятилетий переходит (перепрыгивает ли, переползает ли – не важно) в новый период. При этом отчасти подсознательно, но китайцы и тут верны пристрастию к символизму. Олимпиада, думается, войдет в будущие учебники как своеобразный политический водораздел в периодизации новейшей истории страны.

Думается, что грядущий этап будет характеризоваться еще большим возрастанием экономического могущества, в том числе с явными тенденциями к мировой экспансии и региональному доминированию. В свою очередь это выведет из тени все более акцентированное политическое влияние, а в ряде случаев и давление Китая. При этом военный потенциал страны все больше будет «подтягиваться» к политическим и экономическим амбициям. Наверное, можно согласиться с военными экспертами, что полноформатное глобальное военное могущество может быть «предъявлено» мировому сообществу уже через десять-двенадцать лет. Совокупность этих факторов дает возможность Китаю претендовать на роль одного из гарантов мирового политического порядка, к которому, в этой ситуации мы вынуждены будем применить слово «новый»...

Очевидно, что внешнее измерение Китая будет серьезно зависеть от сценария внутреннего развития.

Несмотря на дальнейший рост внутреннего социального напряжения (тибетские выступления здесь только частный и поверхностный элемент), в среднесрочной перспективе наиболее вероятный сценарий – сохранение статус-кво в политической системе с возможными декларациями относительно демократических преобразований в самой КПК и обществе. При этом, вероятно, что политическая элита Китая все больше будет стремиться объяснить социальные, экономические, да и политические диспропорции внутреннего развития внешним контекстом. Где-то это окажется правдой, а где-то традиционным мифотворчеством, характерным для внутренней политики любой глобальной державы. Да и население Китая, все более образованное (по местной шкале) и информированное будет воспринимать эти мифы по иному, чем нынешняя, еще глубоко традиционная крестьянская масса.

Думается, что свою лепту в попытку скорректировать внутренний сценарий попытаются самонадеянно внести западные партнеры Китая. И здесь, с высокой долей вероятности, возможно прогнозировать формирование «мягкой коалиции» противодействия распространению влияния Пекина.

Сигналы, хотя и преждевременные, к формированию такой коалиции появляются уже сейчас – отказ от приезда на Олимпиаду некоторых представителей западных государств из этого ряда.

В свою очередь это приведет к задействованию традиционного инструментария «коррозии» социалистического монолита КНР изнутри, с акцентом на соблюдение прав человека, «технократизацию» и плюрализацию элиты, формирование гражданского общества. Правда, возникает вопрос – возможно ли это сделать в Китае по параметрам Совета Европы в принципе? Наверное, возможны и более изощренные механизмы – на фоне роста благосостояния китайских социальных групп и регионов, нельзя исключить

искусственного стимулирования их социального и национального сознания с использованием «демонстрационного эффекта» Тайваня.

Мягким и не однозначным с точки зрения конечного бенефициария вариантом воздействия Запада на Китай могло бы стать дозированное вовлечение Пекина в глобальные структуры с предоставлением права взять на себя долю ответственности за сохранение стабильности в традиционной сфере культурно-политического влияния Китая.

При этом ясно, что политическое противодействие со стороны США будет нарастать, как на уровне двусторонних отношений, так и по региональным (проблемным) зонам, включая АТР, Центральную Азию, Средний Восток.

Новым полем конкуренции, часто игнорируемым российскими исследователями, может стать также Африка и Латинская Америка.

Потенциал и желание противодействовать КНР со стороны «европейского» Запада будет значительно меньшим. Равно, как и варианты отношений Европы, в том числе отчасти и России с Китаем будут более мягкими и сложными одновременно.

В целом, реальных причин и формальных поводов для более комплексного контакта Запада и Китая будет становиться все больше. Внимательные наблюдатели уже сейчас фиксируют серьезную дискуссию в Вашингтоне по вопросу «подключения» Пекина ко всему комплексу переговорного процесса по проблемам контроля за распространением ОМУ и противодействия терроризму, а также, возможно, энергетической безопасности. Перспектива вступления КНР, при условии хотя бы символической демократизации ее партоцентричного режима, к Большой восьмерке не кажется более исключительно московской фантазией.

Кстати, это именно то направление, где Россия должна для себя очень четко понять – насколько ей – «новичку» в неформальном клубе западных грандов это выгодно.

В стратегическом же плане, право Китая на «развитие», то есть успешное завершение внутренних реформ и выход на новый уровень могущества вряд ли может быть подвергнут сомнению или ревизии, как на двустороннем, так и коллективном международном уровнях. Только некие события «высшей силы» (военная акция Китая против Тайваня или что-то подобное) могут теоретически дать козырь, прежде всего США, организовать нечто вроде политической изоляции Китая и таким образом, поставить под сомнение его право на легитимную глобальную роль.

Известная концепция «мирного возвышения Китая» сегодня и в ближайшее время и формально, и, по сути, не имеет «слабых» мест.

Очевидно, что перерастание глобальной мощи Китая будет идти и за счет укрепления отдельных региональных сегментов «поднебесной» политики.

Серьезным фактором определяющим роль Пекина в глобальных делах станут отношения Пекина и Дели. Объективно индийско-китайские отношения будут медленно и постепенно улучшаться, освобождаясь от субъективного груза прошлых десятилетий. Думается, что это будет происходить независимо от перспектив урегулирования пограничного вопроса. В целом же, в среднесрочной перспективе китайско-индийские отношения по интенсивности (в политическом и экономическом формате) имеют шанс «обогнать» российско-индийские или российско-китайские. Для России в этом варианте

есть свои «плюсы», в частности, укрепление пока почти умозрительной конструкции Москва – Дели – Пекин. С другой стороны, у Москвы появляется проблема снижения роли России в этом треугольнике, при объективном росте взаимного интереса Пекина и Дели.

Здесь нельзя исключать и такой фактор как активизация экономических связей Индии и США, Индии и ЕС, которые привнесут дополнительный элемент взаимной ревности и конкуренции.

В целом, верная тактика наращивания глобального могущества за счет укрепления в региональных делах будет, наверное, продемонстрирована Пекином и в корейском вопросе. Пекин, вероятно, приложит максимальные усилия к признанию Китая в качестве ключевой фигуры в решении проблем Корейского полуострова и постарается «выжать» максимум для повышения своего международного престижа, особенно в глазах Вашингтона, как в качестве посредника в межкорейском диалоге, так и в роли гаранта обеспечения суверенитета и безопасности КНДР. По мере неизбежной трансформации КНДР на путях экономической реформы и открытости Пекин постарается сделать все, чтобы сохранить Корейский полуостров в сфере своего традиционного влияния. Методы этого влияния в краткосрочной перспективе будут традиционными – использование ресурсов межпартийных связей, попытки вовлечения КНДР в китайский опыт модернизации, прямая экономическая помощь Пхеньяну. Правда, для Пекина остается открытым вопрос стратегического сценария взаимодействия с Сеулом, что оставляет достаточные возможности для потенциального внешнеполитического маневра других региональных игроков, в том числе России.

К сожалению, для Пекина, мало что, он сможет приобрести в отношениях с Токио. Ну, как минимум, в ближайшее время. Японо-китайские отношения пока далеки от поступательно-позитивных, скажем мягко. Возможно, что вектор японо-китайских противоречий станет доминирующим по внутренней конфликтности в АТР. Япония, как представляется, по-прежнему, видится из Пекина в качестве главного соперника в борьбе за лидерство в «восточно-азиатской сфере совместного процветания». К сожалению, тесная сеть многосторонних институтов сотрудничества в АТР бессильна в создании «нового позитива» в отношениях Токио и Пекина.

В целом, представляется, что до тех пор, пока Пекина не создаст некую региональную структуру «под себя», китайская позиция к многосторонним усилиям будет оставаться достаточно скептической. Обратным примером является Шанхайская организация сотрудничества, где изначальный «взнос» Китая был предельно высок, что позволяет Пекину считать эту организацию «своей». Однако, уникальность ШОС всем очевидно, равно как и не очевидны возможности мультипликации этого опыта в других субрегионах АТР. Все эти соображения, однако, несколько не смогут умалить реальную роль Китая в Тихоокеанской Азии, где динамика политики Пекина будет сравнительно ровной и предсказуемой.

Совершенно новые и гораздо менее предсказуемые сюжеты лежат в континентальном измерении китайской политики, в которую попадает Россия и страны пост-советской Центральной Азии.

Вряд ли современное состояние российско-китайских отношений может вызвать серьезные нарекания. Другое дело, что на перспективу, нам важно осознать один важный факт. Китай, за последние полтора десятилетия сделал, огромный рывок вперед, превратившись совершенно в иную страну. Иную в сравнении с Китаем начала, или даже

середины 1990-х годов, когда выстраивалась принципиальная схема наших отношений. В этой схеме не было сколько-нибудь значимого места для технологических, финансовых, энергетических и, в целом, новых стратегических амбиций Китая.

Сейчас эти новые факторы присутствуют в реальности, но, кажется, недостаточно учитываются в наших текущих контактах. Насыщенность российско-китайской «двусторонки» настолько высока, что у Москвы, зачастую, нет возможности взять паузу и подумать о долгосрочных сценариях отношений. В частности о том, насколько глобальная повестка дня будет вторгаться в двусторонние отношения Москвы и Пекина.

Вместе с тем и доминирующий, экономический блок наших отношений нуждается в серьезном осмыслении.

Китай, в принципе, ставит в регионе экономические задачи, аналогичные США и Японии, но считает, что структурная политика этих государств пока не позволяет ему переформулировать региональные процессы в свою пользу, а потому прежде всего стремится подготовить отрасли своей экономики к борьбе с иностранными конкурентами на собственной территории и одновременно пытается «втихую» сформировать экономическую зону Большого Китая, где этнический экономический фактор будет решающим в экономической конкуренции.

С точки зрения своих экономических приоритетов Россия была и будет устремлена в Европу. Переломить эту тенденцию можно «только лишь» стимулировав форсированное экономическое развитие российского Дальнего Востока. География и климат, а также демографические тенденции препятствуют и будут препятствовать этому. Это не значит однако, что превращение российского Дальнего Востока в зону экономического благоприятствования совершенно невозможное дело. «Просто» нужен целый комплекс экономических и политических мер и сильная политическая воля для того, чтобы заставить регион «работать» на российскую экономку. В целом же реальная ситуация в регионе сегодня такова, что Россия не является значимым актором в экономических процессах в АТР и Северо-Восточной Азии, точно также, как Северо-Восточная Азия и АТР в целом не являются значимыми факторами в экономике России. Следовательно следует поставить вопрос о разработке комплекса мер, которые могли бы переломить ситуацию в регионе.

Стратегической целью такого комплекса мер могло бы являться формирование торгово-экономического сотрудничества со странами АТР в масштабах и в интересах развития всей экономики России.

К сожалению, в ближайшую и среднесрочную перспективу торговля, несмотря на ее количественный рост в структурном отношении не изменится. Сырьевая и военно-техническая составляющая, как системообразующий компонент в российском экспорте, полностью сохранится. Более того, серьезная опасность торговых деформаций может усилиться в том случае, если развитие энергетических проектов не будет подкреплено ростом других экономических направлений.

Энергетика, как многим казалось, вообще может стать несущим стержнем взаимодействия Китая с его западными и северными континентальными соседями. Действительно, при максимальном стремлении Пекина к диверсификации источников энергообеспечения КНР, доля России может достичь четверти импорта энергоресурсов Китая. Северо-восточный маршрут энергообеспечения КНР, требующий огромных капиталовложений и связанный с конкуренцией Китаю со стороны Японии и Южной Кореи, представляется

наиболее надежным и стабильным с точки зрения интересов России. Центральноазиатский маршрут затрагивает целый комплекс проблем суверенитета и национального сепаратизма. Китайские аналитики понимают, что западный маршрут легко перекрывается всплеском уйгурского сепаратизма, либо «цветными революциями» в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане.

Известно, что Европа в последние годы дает не очень приятные примеры того, когда тесная энергетическая взаимозависимость не элиминирует политических проблем. В отношениях же с Китаем у нас, кажется, есть пока еще возможность выстроить связанные политико-энергетические сценарии долгосрочного взаимодействия. Другое дело, что подобного ни приходилось делать ни Пекину, ни Москве.

В последние год-полтора в двусторонних отношениях стали заметны весьма неоднозначные сигналы в «деликатной» сфере военно-технического сотрудничества, которые, казалось, можно было бы оставить вне сферы политического анализа. Вместе с тем здесь кроется несколько дилемм, решение которых пока не найдено в принципиальном плане.

Так, в сферах стратегической ПВО, морской составляющей ядерных сил КНР есть жесткое ограничение для России с точки зрения ее национальной безопасности. Возможно, что Китай хотел бы развивать сотрудничество за счет российского ресурса именно в этих областях.

Одновременно следует понимать, что сотрудничество в сфере ядерной энергетики и в освоении космоса России и КНР имеют ограничители в лице жесткой международной конкуренции на этих рынках. Наконец, нельзя упускать из виду стремления Пекина к «независимости и самостоятельности» во всех сферах.

Важнейшей проблемой, прежде всего, для самой КНР и в не меньшей степени для двусторонних отношений будет демографическая проблема и миграция.

Я не сторонник алармистской точки зрения в вопросе о китайской миграции в Россию. Тем не менее, это тот вопрос, который Пекин и Москва, наверное, должны начать рассматривать на государственном уровне и поднимать в рамках двусторонних отношений. Проблема должна рассматриваться в плоскости легального регулирования перетекания трудовых ресурсов. Действительно, для многих регионов России, и для Дальнего Востока в частности характерны структурная безработица, структурная перекошенность рынка труда. Мы это можем регулировать, подчеркиваю, - регулировать, с помощью китайских трудовых ресурсов. За исключением советского опыта привлечения вьетнамских и корейских рабочих, которых было сравнительно немного, у России такого опыта нет. Нам его надо приобретать. Зачастую, это будет весьма сложный процесс с точки зрения наших отношений с соседями. Однако мы должны научиться это делать, хотя бы с учетом того, что регулирование трудовой миграции в ближайшие годы может стать предметом наших контактов и с другими соседями, не только с Китаем.

Общий вывод о новом этапе в международной политике Пекина, может звучать предельно четко - Китай успешно заканчивает «подготовительный класс» и становится полноформатной глобальной державой. При этом многие из его соседей, равно как и международное сообщество, наверное, не до конца готовы к этой новой реальности. Эта неготовность лежит и в сфере национальной дипломатии, и в сфере многосторонних отношений. К счастью, Китай не оставляет своего конфуцианского поведения и двигается вперед уверенными, но осторожными шагами, давая нам возможность привыкнуть к его и

нашим новым ролям. С новыми ролями на международной арене будет сыграна новая пьеса. России важно быть в ней среди актеров, а не среди зрителей.

Foreign Policy / Русское издание, №2 май-июнь 2008.